

PSYCHOLOGICAL ESSAYS

Dialogues with Jean Piaget (the 11-th one)	107
<i>Jean-Claude Bringuier</i>	

OUR HEROES OF ANNIVERSARY

Boris Andreyevich Dushkov – 70-th Birthday	110
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

Information about conference “A.R. Luria and psychology of XXI century”	111
The II-nd International round-table “The problems of cultural and psychological socialization of children of Russian (post-Soviet) migrants and refugees”	
<i>B. N. Uzykhanova</i>	113
The VII-th Symposium “Psychological aspects of sense of life, acme and happiness”	
<i>G. A. Vaizer</i>	117

CRITICAL REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

The first attempt to integrate psychiatry, psychology and psychotherapy of children and adolescents	
<i>A. V. Makhnach, A. I. Laktionova</i>	
	122

Chronicle	112, 123
-----------	----------

* * *

Vladimir Nikolayevich Druzhinin	124
Index of articles appeared in “Psychological journal” in 2001, vol. 22	
	126

ИТОГИ ВЕКА

САМАЯ ЧИТАЕМАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ КНИГА ПО ПСИХОЛОГИИ: ТРИУМФЫ, ТРАГЕДИИ, ПАРАДОКСЫ

© 2001 г. А. В. Брушлинский

Член-корр. РАН, директор ИП РАН

На Общероссийском психологическом конкурсе самой читаемой в XX веке отечественной книгой по психологии признана монография С.Л. Рубинштейна "Основы общей психологии". Ее новейшее издание (с дополнениями и комментариями его учеников) вышло в 2001 г. В статье анализируется история написания и дальнейшая парадоксальная судьба этой книги, в которой детально разработана субъектно-деятельностная теория. Вводятся в научный оборот некоторые новые, ранее неизвестные факты. Дан ответ новейшим критикам этой теории.

Ключевые слова: "Основы общей психологии" С.Л. Рубинштейна, субъектно-деятельностная теория, теория А.Н. Леонтьева, теория Л.С. Выготского, история психологии в России.

Как известно, в 1999–2000 гг. по инициативе "Психологической газеты" (издаваемой в Петербурге) в нашей стране впервые проводился Общероссийский психологический конкурс "Профессиональные итоги столетия" (см. об этом прежде всего [17, с. 7–9]). Единственным "лауреатом" конкурса в номинации "Самая читаемая в XX веке отечественная книга по психологии" заслуженно стал фундаментальный труд С.Л. Рубинштейна "Основы общей психологии" (первое издание М., 1940; второе, существенно расширенное издание в 1946; последующие издания с дополнениями и комментариями его учеников в 1989, 1998, 1999, 2000, 2001 гг.). Судьба этой монографии и ее автора во многом трагична, а потому особенно показательна для всей многострадальной, хотя и весьма результативной науки в нашей стране на протяжении большей части XX века.

"Основы общей психологии" 1940 г. представляли собой радикально переработанное и значительно расширенное издание предшествующей монографии Рубинштейна "Основы психологии" (М., 1935) – первой во всемирной психологической литературе книги, написанной с позиций принципа **деятельности** (изначально практической, затем также и теоретической, но в целом единой). По замыслу автора это должно было быть второе издание "Основ психологии", которое, по-видимому, уже находилось на стадии верстки. По крайней мере, на него ссылаются А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев в 1940 г. в своей энциклопедической статье "Психология" [13], прямо указывая: С.Л. Рубинштейн. Основы психологии (2-е изд. М., 1939). Однако К.Н. Корнилов вместе с двумя другими влиятельными психологами написал тогда резко отрицательный отзыв на

верстку (или рукопись) этой монографии; в результате ее удалось опубликовать лишь год спустя, причем под измененным названием "Основы **общей психологии**" и с предисловием автора, чрезмерно самокритичным по отношению к своей книге 1935 г.

Весной 1942 г. это первое издание "Основ общей психологии" было удостоено высшей в то время государственной – Сталинской – премии по представлению ряда психологов, а также выдающихся ученых В.И. Вернадского и А.А. Ухтомского, издавна и глубоко интересовавшихся проблемами психологии, философии и методологии, внесших свой оригинальный вклад в развитие этих наук и высоко оценивших философско-психологический труд Рубинштейна [6, 22].

Осенью 1942 г. Рубинштейн был переведен в Москву, где возглавил Институт психологии (ныне Психологический институт РАО) и создал кафедру и отделение психологии в МГУ. (В 1966 г. лауреат Ленинской премии А.Н. Леонтьев организовал на базе этого Отделения факультет психологии МГУ.) На новую кафедру уже в 1943–1944 гг. Рубинштейн пригласил не только своих ленинградских учеников – М.Г. Ярошевского, А.Г. Комм и др., но и А.Н. Леонтьева, а также его харьковских учеников П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца и др., по-прежнему (как и в 1930-е годы в Ленинграде) успешно координируя коллективную творческую работу многих психологов из разных учреждений и научных школ.

В 1943 г. Рубинштейн избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР (АН СССР) и становится в ней первым представителем психологической науки (вторым стал С.В. Кравков – в 1946 г., третьим Б.Ф. Ломов – в 1976 г.). В 1945 г.

Рубинштейн создал и возглавил первую в АН СССР психологическую лабораторию – Сектор психологии в Институте философии АН СССР [6, 22]. Все это результат большого и заслуженного признания его “Основ общей психологии” (М., 1940).

Однако в конце 1940-х гг. общая обстановка в стране, а значит, и в науке резко ухудшилась. Лысенковщина и борьба против космополитизма (“преклонения перед иностранщиной” и т.д.), так называемая “павловская” сессия двух академий в 1950 г. и другие подобные идеологические кампании нанесли огромный урон нашей науке. В психологии главным космополитом был объявлен именно Рубинштейн (в результате антинаучной критики его “Основ” 1946 г.). Сталинская премия не спасла его от несправедливых гонений (как и другого лауреата той же премии – Н.А. Бернштейна). В результате Рубинштейна уволили из МГУ [6, 14, 22], сняли с поста заведующего Сектором психологии в АН СССР и на несколько лет запретили печататься. Хотели даже вообще уволить его из АН СССР, но этому воспротивился Президент АН СССР академик С.И. Вавилов. В начале 1950-х Сектор психологии в АН СССР и вовсе был закрыт (а руководителем кафедры психологии МГУ в 1951 г. был назначен А.Н. Леонтьев).

Лишь после смерти И.В. Сталина (5 марта 1953 г.) постепенно начались реабилитация и восстановление в правах оставшихся в живых бывших “космополитов”, “антипавловцев” и т.д. – П.К. Анохина, Н.А. Бернштейна, Л.А. Орбели, В.В. Парина, С.Л. Рубинштейна и др. В науку полностью вернулись имена и труды психологов, работавших в 20–30-е гг. также в педологии и потому посмертно подпавших в 1936 г. под Постановление ЦК ВКП(б) о ее ликвидации. Это прежде всего М.Я. Басов, Л.С. Выготский и т.д. Расстрелянные в 1930-е психотехники были реабилитированы много позже.

В мае 1956 г. Рубинштейн добился восстановления Сектора психологии в Институте философии АН СССР. (Но снова заведовать кафедрой и Отделением психологии в МГУ ему уже не разрешили.) Под его непосредственным руководством в АН СССР возобновились интенсивные новаторские исследования в области методологии, теоретической и экспериментальной психологии, ее истории и т.д. Особенно активно и успешно на основе нового принципа детерминизма разрабатывались Рубинштейном оригинальная и перспективная философско-психологическая концепция человека, его психики, деятельности, теории мышления как деятельности и как процесса и т.д. [19, 20]. Его ученики исследовали актуальные проблемы личности, сознания, эксперименталь-

ной психологии мышления, истории психологии и др. [6, 16].

Однако 11 января 1960 г. в самом расцвете своих творческих сил и новых замыслов скоропостижно скончался основатель и руководитель Сектора психологии Рубинштейн. Заведовать Сектором стала Е.В. Шорохова. Под ее руководством продолжались прежние и осуществлялись новые методологические, теоретические и экспериментальные исследования личности, группы, деятельности, сознания и самосознания, мышления (в соотношении психологии с кибернетикой и математикой), взаимосвязей между природным и социальным в психике человека и т.д. [6]. А в 1972 г. Сектор психологии был переведен в состав только что созданного (16 декабря 1971 г.) Института психологии АН СССР и Шорохова стала одним из заместителей его основателя и первого директора Б.Ф. Ломова. Именно в нашем Институте особенно интенсивно теоретически и экспериментально разрабатывается дальше рубинштейновская концепция, которую мы – его ученики – называем теперь прежде всего субъектно-деятельностной (такое название, конечно, не охватывает эту концепцию всю в целом, но четко обозначает ее исходную суть).

Начальные основы своей теории Рубинштейн заложил еще в своих рукописях и статьях 1916–1922 гг., получив блестящее философское, естественнонаучное, психологическое и математическое образование в лучших университетах Германии. А в 1913 г. в Марбурге он защитил докторскую диссертацию по философии “К проблеме метода”. В ней он развернул оригинальный (во многом критический) анализ абсолютного рационализма Гегеля и новый подход к принципу монизма, обнаружив глубокие знания немецкой классической философии и, в частности, всей проблематики деятельности. Вот почему уже в последующие годы (вернувшись в родную Одессу) он смог новаторски и перспективно начать разрабатывать свою собственную теорию субъекта и его деятельности. Впервые в печати она была кратко, но фундаментально представлена в ставшей после его смерти известной и знаменитой статье “Принцип творческой самостоятельности (к философским основам современной педагогики)”, опубликованной в Одессе в 1922 г. [16, 19].

В процессе своего многолетнего научного творчества Рубинштейн последовательно разрабатывал как бы “третий путь” в философии, педагогике и психологии, позитивно преодолевая неприемлемые для него крайности и материализма, и идеализма. Но, конечно, в 30–50-е гг. он мог называть этот третий путь только диалектическим материализмом. Последний термин является 1) не только одним из обозначений официальной,

упрощенной, советской марксистско-ленинской философии (издавна и справедливо критикуемой в явной или скрытой форме, в частности, тем же Рубинштейном), но одновременно и 2) названием альтернативной ей, по-прежнему перспективной субъектно-деятельностной философии и психологии [15]. Второе значение термина “диалектический материализм” не учитывают многие зарубежные специалисты, а теперь также и некоторые отечественные коллеги. Это относится и к тем из них, кто раньше делал карьеру на цитатах из Маркса, Энгельса и Ленина. Тогда была в ходу грустная шутка: мысль есть кратчайшее расстояние между двумя цитатами (конечно, только из официально признанных классиков).

Слова “диалектический материализм” не обязательно должны отпугивать современного читателя. Напомню, к примеру, что свой до сих пор плодотворный принцип детерминизма Рубинштейн совершенно сознательно называл диалектико-материалистическим, но не марксистским. Он считал, что такие “персонифицирующие” названия, как марксизм, дарвинизм и т.д., не могут использоваться для обозначения науки. Вместе с тем он вынужденно шел на чисто внешнюю уступку официальной советской идеологии, когда применял для самоидентификации своей концепции термин “диалектический материализм”, поскольку “сверху” навязывалось мнение, что никакой другой философии в СССР нет и быть не может.

Как и любой российский гуманитарий, Рубинштейн еще до революции хорошо знал учение Маркса по его “Капиталу” (а также по своим беседам с Г.В. Плехановым), но тем не менее даже в своих, правда, немногочисленных статьях 20-х гг. он нигде не ссылаясь на Маркса, поскольку не чувствовал большой идейной близости между его философией и своей субъектно-деятельностной концепцией. Лишь после опубликования в 1927–1932 гг. ранних философских рукописей Маркса (1844) Рубинштейн увидел существенную общность между ними и своими работами (подробнее см. [16]). А потому он искренне и научно начал использовать некоторые (не все!) очень важные марксовы (не путать с марксистскими!) положения для дальнейшего развития своей философско-психологической концепции.

В 10-е гг. она была в основном философской, но в последующее десятилетие в ней начинают занимать все большее место педагогика и психология [22]. До революции Рубинштейн, конечно, хотел оставаться профессиональным философом, хотя уже преподавал в гимназиях психологию и логику. После революции в силу внешних обстоятельств он был вынужден все более переключиваться в психолога. Однако в 20-е гг. на Украине психологию официально заменили

рефлексологией, которая, впрочем, господствовала также и в Петрограде (затем Ленинграде), а в Москве с 1923 г. К.Н. Корнилов как новый директор Института психологии насаждал свою столь же механистическую реактологию (т.е. “учение” о реакциях). Он принимал на работу только сторонников “реакционной” психологии, т.е. тех, кто изучал реакции у человека. Вот почему он взял в свой Институт тогда еще начинающих молодых психологов, приехавших из других городов, – А.Р. Лурию и Л.С. Выготского (к счастью, в дальнейшем оба они значительно расширили и изменили тематику своих исследований). И конечно, Рубинштейн – основоположник субъектно-деятельностного подхода – по своим научным взглядам был несовместим с новым директором.

Для Рубинштейна главное в людях – вовсе не их реакции, а действия и поступки, вообще деятельность, на основе которой психика не только проявляется, но и формируется, развивается и т.д.; человек, субъект, личность как целостность создает себя и свою психику в деятельности – творческой, нравственной, свободной и т.д. В этом – пафос уже упоминавшейся статьи Рубинштейна 1922 г., которую он впоследствии всегда был вынужден скрывать, как и свое германское прошлое.

Ясно, что есть много существенно общего между субъектно-деятельностной теорией и гуманистической психологией, которая в США с 60–70-х гг. начала систематически изучать творческий потенциал личности как целостной системы и провозгласила себя третьей силой, альтернативной по отношению к фрейдизму и бихевиоризму.

Решительное неприятие Рубинштейном бихевиористской, реактологической, рефлексологической, поведенческой психологии сделало его уже в 20-х годах персоной нон грата в глазах всех руководящих психологов, разделяющих эту механистическую точку зрения (а их тогда было большинство). Правда, в середине 20-х ему удалось установить деловые прочные контакты с одним из ведущих ленинградских психологов – М.Я. Басовым. Сотрудница последнего и одновременно жена одного из братьев Рубинштейна Е.И. Зейлигер-Рубинштейн очень сильно помогла установлению таких контактов. В беседах с Басовым Рубинштейн рассказал ему о своей разрабатываемой теории деятельности, в результате чего Басов тоже начал переходить на позиции деятельностного подхода. Вот почему Рубинштейн сумел, наконец, в 1930 г. “эмигрировать” из Одессы в Ленинград, и именно Басов, предвосхитив в нем одного из лидеров психологии, сразу же назначил его заведующим кафедрой психологии в Педин-

ституте им. А.И. Герцена (к несчастью, Басов скончался от заражения крови в 1931 г.).

Под руководством Рубинштейна эта кафедра превратилась в один из ведущих центров развития всей психологической науки – теоретической, экспериментальной и др. Один из свидетелей и участников тех событий Ярошевский писал впоследствии: в Ленинграде “имелись широкие возможности для неформального общения. К Рубинштейну в его двухкомнатную квартиру на Садовой приходили делиться своими замыслами Выготский и Леонтьев, Ананьев и Рогинский. Приезжали на его кафедру Лурия, Занков, Кравков и др. Превосходно информированный о положении в психологии – отечественной и мировой, Рубинштейн поддерживал тесные контакты с теми, кто работал на переднем крае науки” [24, с. 519]. А для него самого таким передним краем, как уже отмечалось, была фундаментальная философско-психологическая проблематика субъекта и его деятельности.

Вскоре он был назначен проректором Пединститута им. А.И. Герцена и, конечно, по-прежнему возглавлял кафедру психологии. В 1940 г. Рубинштейн пригласил к себе на кафедру Теплова и Леонтьева защищать докторские диссертации и выступил на их защите одним из официальных оппонентов. Когда началась Великая Отечественная война 1941–1945 гг., он добровольно остался в осажденном Ленинграде, считая себя нравственно обязанным руководить (в отсутствие ректора) огромным институтом в тяжелейших условиях вражеской блокады. И в эту первую, самую трудную блокадную зиму он одновременно мужественно продолжал работу над будущим, вторым, изданием своих “Основ общей психологии” (М., 1946).

* * *

В комментариях, дополнениях и послесловии к новейшему изданию (СПб., 2001) этой монографии довольно подробно и документально раскрыта ее очень сложная, противоречивая, даже парадоксальная судьба, полная и триумфов, и трагедий. Особое внимание уделено тем **принципиально новым** творческим достижениям самого Рубинштейна, которые существенно иначе продвинули всю теоретизацию и экспериментатику, составляющие суть его “Основ” (теория психического как процесса, первые в СССР онтология и философская антропология, новаторское решение проблемы субъективного и идеального, оригинальные разработки истории психологии и философии и др.). Прежде всего это были его новые четыре книги: “Бытие и сознание” (М., 1957), “О мышлении и путях его исследования” (М., 1958), “Принципы и пути развития психологии” (М., 1959) и посмертно опубликованная рукопись

“Человек и мир” (М., 1973, 1997), а также вышедший под его редакцией сборник экспериментальных исследований его учеников “Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения” (М., 1960).

К вышеуказанным комментариям теперь необходимо добавить, что в первой и третьей из этих новых своих книг Рубинштейн убедительно разработал также новаторский подход к решению **психофизиологической проблемы**, по сей день остающийся наиболее эвристичным. В его теории раскрыты онтологические основания той системы наук, внутри которой находится психология человека, тем самым объективно выступающая как **единая наука** (не раскалывающаяся на чисто гуманитарную и лишь естественнонаучную дисциплины). Вот как это сделано: более общие законы лежащих “ниже”, менее сложных сфер бытия сохраняют свою силу для всех лежащих “выше”, более сложных областей; вместе с тем распространение общих закономерностей лежащих “ниже” областей на области более специальные не исключает, а, напротив, предполагает существование **специфических** законов у этих последних [19, с. 12]. В каждой сфере взаимодействия есть и общие, и специфические законы. Например, психическое подчиняется специфическим закономерностям (раскрываемым психологией) и в то же время на него целиком и полностью распространяются – вопреки дуализму – все закономерности “ниже” лежащих областей: физиологические, физико-химические и т.д. На основе такого монизма объективно определяется гуманистический статус психологии (по отношению к физиологии, биохимии, биофизике и т.д.) и ее участие в построении общей картины мира. И тогда ясно, что всегда взаимосвязанные в жизни человека психическое и физиологическое не рядоположны, поскольку между ними существует вышеуказанная иерархия, которая соответственно определяет и соотношение между гуманитарным и естественнонаучным в психологической науке. Тем самым создается исходное методологическое основание для решения психофизиологической проблемы.

Применительно к павловскому и постпавловскому учению о высшей нервной деятельности (ВНД) Рубинштейн так конкретизировал свою теорию: “... психическая деятельность и то, что И.П. Павлов назвал высшей нервной деятельностью, это одно и то же явление, предметно одна и та же реальность... **Понятия** высшей нервной деятельности и психической деятельности различны: они выражают **различные аспекты одного и того же** предмета или явления... Психическая деятельность и тождественна с высшей нервной деятельностью и не тождественна с ней. Никакого противоречия – в формально-логическом смысле – в этом нет” [19, с. 354]. Отсюда двойственное от-

ношение Рубинштейна к учению о ВНД: он отмечал некоторые достижения в его разработке, но по многим другим направлениям резко критиковал его [там же, с. 349–360] (см. также [11, с. 112–113]).

Таково первое существенное дополнение к комментариям, сопровождающим новейшее издание “Основ общей психологии”.

Второе дополнение также раскрывает то новое, что разработал Рубинштейн уже после опубликования его “Основ” в 1946 г. Это принципиально новый подход к проблематике внимания. Совсем кратко его суть он резюмирует в 1957 г. в своей философско-психологической монографии “Бытие и сознание”: «Внимание – это не какая-то особая деятельность или активность субъекта наряду с его познавательной деятельностью или неизвестно в чем заключающаяся “сторона” последней. Проблема внимания – это проблема регуляции познавательной деятельности» [19, с. 175]. Книга “Бытие и сознание” выросла из предыдущей монографии Рубинштейна “Философские корни психологии”, набор которой был рассыпан в 1947 г. (Изд-во АН СССР), когда начались гонения на ее автора как на “безродного космополита”. В этой так и не изданной монографии он по-новому проанализировал и развил, в частности, некоторые важные мысли И.М. Сеченова о регуляторной природе психики и о процессуальности последней. Тем самым в своей концепции деятельности Рубинштейн намного глубже раскрыл регуляцию деятельности, начав разрабатывать теорию психического как процесса (т.е. высшего уровня регуляции). А потому внимание он определил в новом качестве – как **регуляцию познавательной деятельности**. Отчасти близкую к этой позиции гипотезу выдвинул в 1958 г. П.Я. Гальперин в своей известной статье “К проблеме внимания” [9]: он предложил понимать внимание как функцию психического **контроля**, полагая, что регуляция – понятие более широкое, чем контроль (эта тема заслуживает подробного рассмотрения).

Я специально отмечаю обычно игнорируемое некоторое сближение точек зрения по данному вопросу обоих “деятельностников” – Рубинштейна и Гальперина, поскольку на этом примере отчетливо обнаруживается общность и различие между разными вариантами психологической теории деятельности. Без анализа того, что объединяет и разделяет указанные варианты, вообще невозможно разобраться в психологии деятельности и, в частности, “Основах общей психологии” и последующих трудах Рубинштейна, Леонтьева и др.

Как известно, Гальперин в значительной степени принадлежал к научной школе Леонтьева. По крайней мере, в 50-е гг. и позже они разраба-

тывали новый вариант теории интериоризации. Как и Рубинштейн, Леонтьев исходил из общего положения о том, что именно изначально практическая деятельность является основой всего психического развития человека. Во многом сближала их также идея о структуре деятельности (взаимосвязи ее главных компонентов – целей, мотивов, действий, операций и т.д.). А основные различия между обеими теориями шли по линии детерминизма и проблемы интериоризации.

С 1948–1949 гг. Рубинштейн начал разрабатывать свой общенаучный принцип детерминизма: внешние причины действуют только через внутренние условия, составляющие *основание* развития. Иначе говоря, уже сама подверженность тем или иным внешним воздействиям существенно зависит от внутренних условий, а потому внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его “спонтанностью”. Следовательно, “строго говоря, внутренние условия выступают как причины (проблемы саморазвития, самодвижения, движущие силы развития, источники развития находятся в самом процессе развития как его внутренние причины), а внешние причины выступают как условия, как обстоятельства” [20, с. 29].

Существенно иначе проблему детерминации рассматривали Леонтьев и Гальперин. По логике данной теории внешние причины (по крайней мере, на первых этапах онтогенеза) прямо и непосредственно, а не через внутренние условия детерминируют психическое развитие детей.

Такой вывод неизбежно вытекает из самого существа рассматриваемой теории интериоризации, поскольку ее вышеупомянутые авторы не признавали существенную роль наследственных, генетических *задатков* в психическом развитии человека. А ведь *подлинно внутреннее в онтогенезе начинается с этих задатков*, и именно они составляют исходные, самые первые внутренние условия, в процессе взаимодействия которых с самыми первыми внешними причинами и начинается возникновение человеческой психики. С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов и их ученики обосновали вывод о том, что такие задатки, т.е. первичные внутренние условия, уже изначально играют существенную (хотя и не фатальную!) роль в психическом развитии людей, осуществляющемся на основе деятельности и других видов человеческой активности.

Следовательно, общее направление психического развития в онтогенезе – не от (только) внешнего к внутреннему, а всегда на основе непрерывного взаимодействия внешнего и внутреннего (по вышеуказанной формуле детерминизма). Соответственно этому сам по себе общепризнанный *факт* интериоризации, бесспорно, реален, но не как способ *возникновения* человеческой психики,

а лишь как один из многих этапов психического развития детей [19, с. 365–369].

Леонтьев, Гальперин и их ученики так и не ответили на эту рубинштейновскую критику основных исходных положений их теории. Вместе с тем Леонтьев, а совсем недавно и некоторые из его учеников, подвергли критике следующую рубинштейновскую идею, рассматривая ее как одну из наиболее существенных для всей субъектно-деятельностной концепции: "...мы изучаем не психику и деятельность, а психику в деятельности. Деятельность не является в целом предметом психологии; предметом психологии может быть только ее психическая сторона. Всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику, и только психику. Но вопрос заключается в том, как ее изучать ... лишь интроспективно или в деятельности, в которой она формируется и проявляется. Мы идем вторым путем" [18, с. 13]. Леонтьев и некоторые из его новейших комментаторов особенно возражают против того, что психология изучает только психику; они считают, что "деятельность прямо входит в предмет психологического исследования своим особым содержанием" [12, с. 117], хотя деятельность изучается также и другими науками.

Но дело в том, что критикуемая Леонтьевым цитата относится к 1940 г. и в течение последующих 20 лет Рубинштейн существенно углубил эту сторону своей теории (кстати, цитата не вошла даже во второе издание "Основ общей психологии"). В вышеупомянутых книгах 1957, 1958 и 1959 гг. Рубинштейн дал блестящий анализ (в составе единой деятельности субъекта) практической и теоретической, материальной и идеальной, физиологической и психической деятельности, психического как процесса и его результатов. В итоге он пришел к следующему общему выводу: "...психология изучает не только психическую деятельность, но и психические процессы ... не только психическую деятельность, но и деятельность человека в собственном смысле слова в ее психологическом составе. И именно в этом – в изучении психических процессов и в психологическом изучении деятельности человека, посредством которой он познает и изменяет мир, – и заключается основное" [19, с. 168]; надо "в самой человеческой деятельности, в поведении человека раскрыть его психологический состав и сделать, таким образом, самую деятельность человека предметом психологического исследования" [там же, с. 366]. Этими формулировками Рубинштейн напоминает суть своего принципа единства сознания и деятельности и подтверждает его актуальность и адекватность по состоянию науки на конец 50-х гг. (принципом сознания и деятельности он называл основную идею своей психологической теории в 30–40-е гг.).

Итак, легко увидеть, что Рубинштейн в 1957 и 1959 гг. прямо включает в предмет психологии деятельность человека в собственном смысле слова в ее психологическом составе, а Леонтьев в процитированном докладе 1976 г. утверждает, что деятельность прямо входит в предмет психологического исследования "своим особым содержанием". Последние три термина нужны для того, чтобы определить специфику психологии в отличие от других наук, тоже изучающих деятельность (но, очевидно, в иных ее содержаниях, аспектах, сторонах и т.д.). Следовательно, и Рубинштейн, и Леонтьев одинаково признают, что деятельность входит в предмет психологии (в ее психологическом составе, в ее особом – т.е. психологическом, не социологическом, физиологическом и т.д. – содержании). В таких общих выводах они, стало быть, занимают единую (или очень близкую друг к другу) позицию. Тогда всё очень просто: не нужно задерживаться на формулировках 1940 г., уточненных впоследствии самим Рубинштейном; а вместо этого необходимо объективно анализировать реальную ситуацию в науке.

Но проблема-то в том, что даже в некоторых новейших публикациях учеников Леонтьева фиксация на единственной цитате 1940 г. – быть может, вопреки желанию Леонтьева и его последователей – как бы маскирует еще одно важнейшее обстоятельство. В только что процитированной работе 1959 г. Рубинштейн развивает свой вывод о включении деятельности в предмет психологии, полемизируя тем самым с главными идеями вышеуказанной теории интериоризации. Поэтому маскировка этого обстоятельства – независимо от желания ее новейших авторов – означает уход от диалога (от полемики, дискуссии, ответа на критику и т.д.). А ведь в работе 1959 г. Рубинштейн аргументированно развернул свою до сих пор безответную критику наиболее существенно-го положения теории интериоризации, которое снова и снова повторил Леонтьев в последней книге "Деятельность, сознание, личность" (М., 1975 и 1977). Даже на обложку этой монографии вынесено определение психологии как "науки о порождении, функционировании и структуре психического отражения реальности в процессах деятельности индивидов" (подчеркнуто мною. – А.Б.). Но если психика порождается, возникает в деятельности, значит, на самом начальном этапе последней пока еще нет ничего психического. К тому же выводу приводят и другие термины, постоянно используемые в теории интериоризации: внешняя деятельность, внутренняя деятельность и т.д. При этом термин "внутренний" обычно связывают с термином "психический" (например, внутренняя психическая деятельность), а термин "внешний" чаще всего, напротив, дополняется не словом "психический", а словами "практический", "предметный" и т.д. (к примеру, "внешняя,

практическая деятельность"). При подобном словоупотреблении сразу же, хотя и неявно, навязывается вывод о том, что так называемая внешняя деятельность вначале не имеет в своем составе психических компонентов. Это становится совсем явным, когда утверждается **общность строения** (структуры) внешней и внутренней деятельности [11, с. 94–102 и др.].

Сделанные выводы закрепляются также двусмысленным употреблением слова "внутренний". Оно обычно используется в двух контекстах: 1) в соотношении с **психическим** (внутренняя, психическая деятельность) и 2) в соотношении с **теоретическим** (внутренняя теоретическая деятельность). Поскольку при этом не всегда учитывается, что второй из них есть частный случай первого, то в результате рассуждают примерно следующим образом. Поскольку теоретическая деятельность как внутренняя возникает **позднее** простейшей практической деятельности как внешней и лишь на ее основе, то соответственно и психическая деятельность (тоже внутренняя!) возникает **после** практической, внешней деятельности и на ее основе. Иначе говоря, сначала (только) внешнее, **потом** внутреннее. Гальперин тоже утверждает, что **психические** процессы суть не что иное, как перенесенные в идеальный план и преобразованные **внешние**, материальные действия [23, с. 7].

Для субъектно-деятельностной теории, напротив, вообще некорректно разделять деятельность на внешнюю и внутреннюю, потому что в любой внешней деятельности уже изначально есть хоть что-то внутреннее, т.е. какие-либо, пусть простейшие психические компоненты, без которых вообще невозможно даже элементарное **действие** (но может быть чисто физиологическая **реакция**). И наоборот, любая внутренняя деятельность всегда неразрывно связана с какими-то внешними компонентами (подробнее см. [1, с. 222–223; 7, с. 162–164; 19, с. 365–369]). А если еще учесть, что простейшие психические явления возникают у человеческого младенца до его рождения, т.е. в конце внутриутробного периода [3, 5, 25], то тогда становится очевидным, что теория интериоризации нуждается в значительных уточнениях. Иначе говоря, теперь абсолютно ясна совершенно иная последовательность основных стадий начального психического развития: 1) пренатальные элементарнейшие **психические** явления; 2) простейшие **действия** с **внешними** предметами (формирующиеся после рождения и регулируемые уже ранее возникшими психическими явлениями, теперь развивающимися дальше на основе более сложных **сенсорных**, коммуникативных и других контактов с внешним миром, первых практических действий и т.д.). Но, к сожалению, все эти критические (безответные) и позитивные разработки по-прежнему остаются **вне диалога** (и, в ча-

стности, вне критики) со стороны многочисленных сторонников теории интериоризации. Таков парадокс, который характеризует развитие нашей науки вот уже более 40 лет и сильно затрудняет понимание специалистами и особенно студентами всех вариантов психологической теории деятельности.

В этой парадоксальной ситуации несколько неожиданную позицию занимает В.П. Зинченко. В своей недавней, в целом очень интересной статье [10] он подчеркивает существенную общность рубинштейновской и леонтьевской теорий. По его мнению, принцип единства сознания и деятельности разрабатывал якобы также и Леонтьев (а не только Рубинштейн); более того, этот принцип означает, что якобы сознание есть лишь "сколок" с деятельности [там же, с. 73–74]. Надеюсь, что весь мой предыдущий анализ данной проблемы приводит, однако, к прямо противоположному выводу. Единство сознания и деятельности – это, как мы уже видели, краткое обозначение всей рубинштейновской теории, представленной в его "Основах" 1935, 1940 и 1946 гг. Самое главное здесь – именно **единство**, а не тождество. Сознание было бы сколком деятельности только в случае их тождественности. Последняя может стать неизбежной, если строго и систематически реализовывать не принцип единства сознания и деятельности, а существенно иной подход, при котором утверждается общность (тождество) строения так называемых внешней и внутренней деятельностей.

В.П. Зинченко справедливо критикует точку зрения "сколка", по существу другими словами воспроизводя вышеприведенную рубинштейновскую критику теории интериоризации. Но при этом он парадоксальным образом переносит столь резкую критику на ее автора – Рубинштейна. Что это: криптомнезия, недоразумение или нечто третье?!

В целом В.П. Зинченко довольно скептически и неодобрительно относится ко всей тематике деятельности, а в качестве позитива противопоставляет ей прежде всего проблему действия. Однако многие другие ученики и последователи Леонтьева, Гальперина, Запорожца и т.д., напротив, по-прежнему с большим энтузиазмом разрабатывают деятельностную психологию. Более того, они продолжают поддерживать точку зрения, согласно которой Выготский был одним из авторов или даже основоположником психологической теории деятельности (что, конечно, противоречит концепции, представленной в "Основах общей психологии" и в ряде других последующих книг [4, 5, 7, 16, 19]).

В некоторых новейших статьях, развивающих эту точку зрения, отмечается, что уже в рукописи "Орудие и знак в развитии ребенка" (1930) Вы-

готский пишет о деятельности, о социализации практического мышления путем разделения своей деятельности с другим лицом и т.д. Верно, конечно, что Выготский и многие другие до него, одновременно с ним и после него использовали слово "деятельность". Но само по себе это еще ничего не значит, если не учитывать, какое конкретное содержание раскрывается указанным словом. В данной рукописи и во всех последующих работах Выготский в качестве основы психического развития ребенка рассматривает знак и способ его употребления, прежде всего слова, речь как систему знаков, опосредствующих натуральное (в более поздних статьях и книгах – спонтанное) развитие детей. Благодаря такому опосредствованию (знаковым орудиям) ребенок, овладевая речью, переходит на стадию культурного, социального, собственно человеческого развития.

В рассматриваемой рукописи вся эта давно и хорошо известная концептуальная схема конкретизируется, в частности, применительно к практическому интеллекту (у детей). Термин "практический интеллект" вошел в психологию в конце 1910-х гг. вместе с классическими трудами В. Келера, изучавшего у обезьян применение различных "орудий" (средств) для решения практических задач. Затем Келер, К. Бюлер и многие другие исследовали в подобных же ситуациях практический интеллект у маленьких детей.

Казалось бы, вся эта весьма значимая проблематика **практического** интеллекта могла или должна была привести ее первооткрывателей к психологии деятельности (т.е. изначально **практической** активности). Но поскольку они всегда были очень далеки от деятельностной психологии, то и сам практический интеллект анализировался ими с иных теоретических позиций. То же случилось и с Выготским. Первоначально он очень резко разделил психическое развитие детей на две стадии: низшие (натуральные) и высшие (культурные, опосредованные речевыми знаками) психологические функции. Точно так же он поступил в рассматриваемой рукописи и с практическим интеллектом: первая стадия у детей – это натуральное, сходное с животными использование орудий; вторая стадия – включение речи и благодаря ей переход от **животного** практического интеллекта к **человеческому** практическому интеллекту. Выготский очень четко формулирует эти свои обобщения: "Употребление орудий ребенком напоминает орудийную **деятельность обезьян** только до тех пор, пока ребенок находится на **доречевой** стадии развития. Как только **речь** и применение символических **знаков** включаются в манипулирование, оно совершенно преобразуется, преодолевая прежние **натуральные** законы и впервые рождая собственно **человеческие** формы употребления орудий" [8, т. 6, с. 22 и след. Подчеркнуто мною. – А.Б.].

Следовательно, Выготский сам признает: именно **речь** переводит обезьяний, животный, натуральный практический интеллект ребенка на следующую стадию уже человеческого практического интеллекта. Иначе говоря, для человеческой, культурной, социальной стадии развития детей по-прежнему действует общее правило, установленное культурно-исторической теорией высших психологических функций: сначала **речь** (слово, словесные знаки и т.д.), а только потом и на ее основе **человеческий** практический интеллект (практические действия и т.д.). Теперь совсем ясно, что для знаково-речевой теории Выготского и его современных последователей только **речь** лежит в основе **специфически человеческого**, постнатурального развития ребенка. Иная позиция у сторонников субъектно-деятельностной концепции: дети (даже новорожденные) вовсе не являются животными и не проходят натуральную, обезьянью, животную стадию развития; поэтому еще до рождения – простейшая сенсорная (человеческая!) психика, после рождения – более сложная сенсорика, практические действия, коммуникации и т.д.; только потом и на их основе овладение первыми словами, начатками речи. Совсем упрощенно: сначала сенсорно-практические контакты, **действие – потом речь**. У Выготского – наоборот: **сначала речь – потом** на ее основе **человеческие практические действия** (подробнее см. [4, 5, 16, 19]).

Обобщая все сказанное, приходится констатировать еще один парадокс: подобно авторам и последователям теории интериоризации, ученики и сторонники Выготского (за исключением В.В. Давыдова) уходят от диалога, дискуссий и полемики и вот уже 40 лет даже не отвечают на аргументированную развернутую критику их теории. Но наука не может развиваться без дискуссий и критики.

Указанный парадокс отчасти проявился и в результатах Общероссийского психологического конкурса "Профессиональные итоги столетия". В номинации "Выдающийся вклад в **мировую** психологию" первое место справедливо занял именно Выготский. Думаю, что в нашей стране он же является сейчас и самым **цитируемым** психологом. Но по этой логике именно он должен или может быть самым **читаемым**. Тогда почему же самой читаемой (но все равно не самой цитируемой) оказалась одна из книг не Выготского, а Рубинштейна? Причин такого противоречия может быть много (и они достойны научного анализа). Одна из них заключается, вероятно, в том, что только в нашей стране наиболее известна (и опять-таки почти не цитируема) аргументированная критика теории Выготского и его новейших последователей, которая, впрочем, не умаляет некоторых бесспорных заслуг данной теории. Од-

нако эта критика почти совсем неизвестна на Западе.

Надеюсь, что столь явные противоречия и им предшествующие парадоксы рано или поздно найдут свое разрешение – на благо развития нашей науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова К.А. Психология и сознание личности. М.-Воронеж, 1999.
3. Батерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М., 2000.
4. Брушлинский А.В. Культурно-историческая теория мышления. М., 1968.
5. Брушлинский А.В. О соотношении биологического и социального в развитии личности // Теоретические проблемы психологии личности. М., 1974.
6. Брушлинский А.В. Первая психологическая лаборатория в системе Академии наук СССР // Психол. журн. 1995. № 3. С. 53–61.
7. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.
8. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти тт. М., 1982–1984.
9. Гальперин П.Я. К проблеме внимания // Доклады АПН РСФСР. 1958. № 3.
10. Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности // Вопросы философии. 2001. № 2.
11. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
12. Леонтьев А.Н. Проблема деятельности в истории советской психологии // Вопросы психологии. 1986. № 4.
13. Лурия А.Р., Леонтьев А.Н. Психология // Большая Советская энциклопедия. М., 1940. Т. 47.
14. Матюшкин А.М., Фролов Н.В. Страницы истории: как был уволен С.Л. Рубинштейн // Вопросы психологии. 1989. № 4 и 5; Психол. журн. 1996. № 2.
15. Проблема субъекта в психологической науке. М., 2000.
16. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
17. Психология и психотерапия в России – 2000. Справочное издание. СПб., 2000.
18. Рубинштейн С.Л. Мысли о психологии // Ученые записки Ленинградского пединститута. Т. 34. Л., 1940.
19. Рубинштейн С.Л. Философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М., 1997.
20. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
21. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта. М.-Смоленск, 2000.
22. Сергей Леонидович Рубинштейн: очерки, воспоминания, материалы. М., 1989.
23. Управление познавательной деятельностью учащихся. М., 1972.
24. Ярошевский М.Г. История психологии. 3-е изд. М., 1985.
25. Maurer D., Maurer Ch. The World of Newborn. N.Y., 1988.

RUSSIAN SCIENTIFIC PSYCHOLOGICAL BESTSELLER: TRIUMPHS, TRAGEDIES, PARADOXES

A. V. Brushlinsky

Corresponding member of RAS, director of IP RAS

On the All-Russian psychological competition S.L. Rubinstein's monograph "The principles of general psychology" was accepted as the most readable Russian book on psychology. Its new edition (with additions and commentaries of his followers) went out in 2001 year. The history of writing and the future of this book elaborating in details the Subject-Activity theory are analyzed. The unknown facts are discovered. The reply to latetday critics of activity approach is made.

Key words: "The principles of general psychology" of S.L. Rubinstein, subject-activity theory, theories of A.N. Leontjev and L.S. Vygotsky, history of psychology in Russia.